Право. Журнал Высшей школы экономики. 2024. Том 17. № 4.
Law. Journal of the Higher School of Economics 2024. Vol. 17, no 4.

Правовая мысль: история и современность

Научная статья
УДК: 340.1
JEL: K 00
DOI:10.17323/2072-8166.2024.4.4.27

Временное законодательство как инструмент ускоренного развития общества

Фатима Валерьевна Цомартова

Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, Россия 117218, Москва, Большая Черемушкинская ул., 34,
social3@izak.ru, https://orcid.org/0000-0001-9486-9900

Аннотация

Ускоренная общественная динамика и стратегическая ориентация на ускоренное технологическое и социально-экономическое развитие, а также новая нормативная модель временно́й организации общественных отношений, отразившаяся в законодательстве с заведомо ограниченным сроком действия, законодательстве об экспериментальных правовых режимах, об обязательных требованиях актуализируют обращение к вопросам временны́х аспектов в праве, его потенциала с точки зрения управления временем и реализации политики динамичного развития общества. Восприятие времени как критически важного и в то же время недооцененного и малоизученного инструмента правового регулирования переводит эту проблематику из разряда самоочевидных (или юридико-технических) в сущностные. Востребованность ее изучения и решения в сочетании с научным заделом, сформированным в результате осмысления антипандемийного, антисанкционного, антикризисного регулирования, открывают возможность переоценки фактора времени в общем механизме правового регулирования. Особое внимание в статье уделяется такому относительно новому явлению, как вре́менное законодательство и его атрибутивные характеристики, в том числе в сравнительно-правовом контексте. В связи с необходимостью адаптации правовых систем к нетипичной подвижности общественной жизни оцениваются дальнейшие перспективы и пределы использования правил, которые по своим направленности и содержанию не требуют нормативной фиксации на неопределенный срок по умолчанию, а, напротив, нуждаются в периодических и планомерных пересмотре и коррекции. Соот-

© Цомартова Ф.В., 2024
Данная публикация лицензируется соответственно условиям лицензии Creative Commons Attribution-Sharealike 4.0 International https://creativecommons.org/licenses/by-sa/4.0/legalcode.ru

ветствие временных правовых режимов стремительно меняющимся социальным или технологическим условиям и неординарным сценариям общественного развития позволяет прогнозировать широкое использование потенциала временной регуляторики в инновационных, высокотехнологичных областях в целях реализации сценариев ускоренного развития общества. Нормативно оформленные авторские предложения по идентификации нормативных предписаний временного действия нашли отражение в последней редакции разработанного Институтом законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации инициативного проекта федерального закона о нормативных актах.

Ключевые слова

право; ускоренное развитие; время; временное законодательство; обязательные требования; экспериментальные правовые режимы.

Для цитирования: Цомартова Ф.В. Временное законодательство как инструмент ускоренного развития общества // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2024. Том 17. № 4. С. 4–27. DOI:10.17323/2072-8166.2024.4.4.27.

Legal Thought: History and Modernity

Research article

Temporary Legislation as an Instrument of Accelerated Development of Society

Fatima V. Tsomartova

Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, 34 Bolshaya Cheremushkinskaya Str., Moscow 117218, Russian Federation, social3@izak.ru, https://orcid.org/0000-0001-9486-9900

Abstract

Forced social dynamics and strategic orientation towards accelerated technological and socio-economic development, as well as a new normative model of the temporary organization of social relations, reflected in legislation with a deliberately limited period of validity, legislation on experimental legal regimes, legislation on mandatory requirements, objectively actualize the appeal to issues temporal aspects in law, its potential from the point of view of “management” of time, as a policy tool for the accelerated development of society.The perception of time as a critically important and at the same time underestimated and little-studied instrument of legal regulation transfers this issue from the category of self-evident or legal-technical to essential. The demand for its study and solution, combined with the scientific background formed as a result of understanding anti-pandemic, anti-sanction, anti-crisis regulation, opens up the possibility of reassessing the time factor in the general mechanism of legal regulation. The article pays special attention to such a relatively new phenomenon for modern legal orders

as temporary legislation, and its attributive characteristics, including in a comparative legal context. In connection with the need to adapt legal systems to the atypical mobility of social life, further prospects and limits for the use of rules are assessed, which, in their focus and content, do not require normative fixation for an indefinite period by default, but, on the contrary, require periodic and systematic revision and correction. The adaptability of temporary legal regimes to rapidly changing social or technological conditions and extraordinary scenarios of social development makes it possible to predict a wider use of the potential of temporary regulations in innovative, high-tech areas in order to implement scenarios for accelerated development of society. The author's normatively formalized proposals for identifying temporary normative regulations are reflected in the latest edition of the initiative draft federal law on normative acts developed by the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation.

Keywords

law; accelerated development; time; temporary legislation; mandatory requirements; experimental legal regimes

For citation: Tsomartova F.V. (2024) Temporary Legislation as an Instrument of Accelerated Development. *Law. Journal of the Higher School of Economics,* vol. 17, no. 4, pp. 4–27 (in Russ.) DOI:10.17323/2072-8166.2024.4.4.27.

Введение

Право как любое явление объективной реальности атрибутируется временем, выражающим такие сущностные его свойства, как длительность существования, последовательную и перманентную изменчивость, направленность развития и т.п. Несмотря на всеобщий и универсальный характер времени, его проявления имеют некоторую специфику в зависимости от того, в рамках каких материальных отношений и научных дисциплин оно рассматривается.

В отличие от диалектически парной категории пространства, глубоко и системно изученной методами государственно-правовых наук, специальных теоретических исследований фактора времени в правоведении немного [Петров Г.И., 1982: 46–52]; [Петров Г.И., 1983: 47–52]; [Залесский В.В., 2006: 114–121]; [Догадайло Е.Ю., 2013], а вопрос правового времени до сих пор обозначен только в качестве постановки проблемы [Батурин Ю.М., Лившиц Р.З., 1989: 61–67]; [Тихомиров Ю.А., 2008: 15–22]. Общетеоретические разработки преимущественно сосредоточены на проблемах действия закона во времени, в особенности обратной его силы [Тилле А.А., 1965: 41–100], разрешения темпоральных коллизий; в отраслевых юридических науках — гражданском и процессуальном праве — обоснована теория сроков.

Вместе с тем форсированная общественная динамика и стратегическая ориентация на ускоренное технологическое и социально-экономическое

развитие обостряют необходимость обращения к временн*ы*м аспектам права, правового потенциала в ракурсе управления временем. Восприятие времени как критически важного и недооцененного и малоизученного инструмента правового регулирования переводит эту проблематику из разряда самоочевидных (юридико-технических) в сущностные. Востребованность ее изучения и решения в сочетании с научным заделом, сформированным в результате осмысления антипандемийного, антисанкционного, антикризисного регулирования [Хабриева Т.Я., 2021: 5–17]; [Хабриева Т.Я., Черногор Н.Н., 2022: 803–808]; [Тихомиров Ю.А., 2022: 15–279], открывают возможность переоценки фактора времени в общем механизме правового регулирования и ставят ряд вопросов методологического характера.

Научно-практического обоснования требует и новая нормативная модель временн*о*й организации общественных отношений, воплотившаяся в законодательстве с заведомо ограниченным сроком действия, законодательстве об экспериментальных правовых режимах, законодательстве об обязательных требованиях.

В настоящей статье содержится попытка решить следующие задачи: проследить новую динамику общественного развития, оценить возможности права с точки зрения реализации политики ускоренного развития общества, а рассмотреть феномен законодательства с заведомо ограниченным сроком действия, в том числе через призму сравнительного правоведения.

1. Новая динамика общественного развития

В соответствии с общенаучными понятиями о законе трансформации темпов развития во времени [Капица С.П., 2010: 69–77], современная эпоха характеризуется повышенной динамикой социально-экономических изменений, обусловленной ускорением оборота в производстве, обмене, распределении и потреблении материальных и нематериальных благ вследствие технологизации (главным образом–информатизации и цифровизации). В связи с неравномерным ходом научно-технического прогресса такое ускорение зачастую сопровождается состоянием так называемой динамической турбулентности, в котором равновесие и устойчивость перестают восприниматься как норма, а изменчивость и неопределенность приобретают перманентный характер [Бауман З., 2008: 7–23]; [Бреннер Р., 2014: 17–33].

Это приводит к глубинным переменам во взаимосвязи между пространством и временем, их сжатию и дистанцированию, упору на процесс становления, а не бытия в пространстве [Гидденс Э., 2005: 174–235]; [Харви Д., 2021: 331–491], замене пространственного существования временным, экстенсивного развития — интенсивным [Степин В.С.,

2018: 6]. В такой пространственно-временной модальности креативная деятельность, инновации и прогресс приобретают исключительное, сверхценное значение, а их быстрота становится ключевым фактором научно-технологического, экономического, экологического, социально-культурного, национального и государственного развития.

Названные всеобъемлющие тренды находят отражение в ходе публично-властной деятельности по целеполаганию, прогнозированию, планированию и программированию общественного развития и обеспечения национальной безопасности Российской Федерации.

В качестве генерального приоритета страны в документах стратегического планирования определено прорывное, опережающее свое время развитие[1] на основе ускоренного инновационно-ориентированного экономического роста и повышения качества жизни народа, обеспеченных технологическими инновациями и социально-экономическими эффектами их внедрения[2]. Отдельно декларируется нацеленность на обеспечение ускоренного развития информационных[3], генетических[4] технологий, искусственного интеллекта[5], беспилотной авиации[6], творческих (креативных) индустрий и предпринимательства[7], цифровой и функциональной трансформации социальной сферы для ее совершенствования на базе цифровых технологий[8] и т.д.

---

[1] См.: Указ Президента Российской Федерации от 21.07.2020 № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» // СЗ РФ. 2020. № 30. Ст. 4884.

[2] См.: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 20.05.2023 № 1315-р «Об утверждении Концепции технологического развития на период до 2030 года» // СЗ РФ. 2023. № 22. Ст. 3964.

[3] См.: Указ Президента от 02.03.2022 № 83 «О мерах по обеспечению ускоренного развития отрасли информационных технологий в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2022. № 10. Ст. 1468.

[4] См.: Указ Президента от 28.11.2018 № 680 «О развитии генетических технологий в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2018. № 49 (часть VI). Ст. 7586.

[5] См.: Указ Президента от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2019. № 41. Ст. 5700.

[6] См.: Распоряжение Правительства РФ от 21.06.2023 № 1630-р «Об утверждении Стратегии развития беспилотной авиации Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2035 года и плана мероприятий по ее реализации» // СЗ РФ. 2023. № 27. Ст. 5055.

[7] См.: Распоряжение Правительства РФ от 20.09.2021 № 2613-р «Об утверждении Концепции развития творческих (креативных) индустрий и механизмов осуществления их государственной поддержки в крупных и крупнейших городских агломерациях до 2030 года» // СЗ РФ. 2021. № 40. Ст. 6877.

[8] См.: Распоряжение Правительства РФ от 20.02.2021 № 431-р «Об утверждении Концепции цифровой и функциональной трансформации социальной сферы, отно-

2. Потенциал права с точки зрения реализации политики ускоренного развития общества

Сущность и назначение права как важнейшего социального регулятора предопределяют потенциал его воздействия на общественные отношения не только с точки зрения придания им определенного направления развития, но и в плане скорости осуществления различных видов деятельности и, тем самым, времени протекания социальных процессов. Переходя к более высокой степени обобщения, Ж.-Л. Бержель утверждает, что право, разворачиваясь во времени и не имея возможности уклониться от неумолимого течения времени или попытки подчинить себе его, «вынужденно одновременно констатировать господство времени над человеком и разрешить господство человека над временем» [Бержель Ж.-Л., 2000: 221].

Общесоциальные функциональные характеристики права во всяком случае гарантируют «поддержание временной упорядоченности общественной жизни, обеспечение темпоральной определенности в социальном общении различных субъектов» [Рабинович П.М., 1990: 20]. Эта хронологическая согласованность, являющаяся одним из основных имманентных свойств любой урегулированной правом деятельности, формируется по мере освоения детерминистской природы временн*ы*х отношений прошлое-настоящее-будущее.

В этом смысле преамбула Конституции Российской Федерации может быть воспринята как конституционная формула таких отношений, которая, сохраняя в рефлексирующей памяти прошлое («соединенные общей судьбой на своей земле», «сохраняя исторически сложившееся государственное единство», «чтя память предков, передавших нам любовь и уважение к Отечеству, веру в добро и справедливость»), позволяет преодолевать горизонт настоящего («утверждая права и свободы человека, гражданский мир и согласие», «возрождая суверенную государственность России и утверждая незыблемость ее демократической основы») и оказывать целенаправленное воздействие на будущее («исходя из ответственности за свою Родину перед нынешним и будущими поколениями», «стремясь обеспечить благополучие и процветание России»).

Кроме того, в рамках специально-юридических функций правовое воздействие оказывается непосредственно на временные отношения. Стоит подчеркнуть, что при этом нормы права регламентируют не время как таковое, а темпоральные параметры деятельности, выступающей

сящейся к сфере деятельности Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации, на период до 2025 года» // СЗ РФ. 2021. № 10. Ст. 1634.

объектом правового регулирования: ее своевременность, длительность, повторяемость, одновременность, последовательность и преемственность, в совокупности квалифицируемых в качестве форм времени в праве [Петров Г.И., 1982: 46–52]; [Петров Г.И., 1983: 47–52]. Таким образом, право организует, контролирует временной фактор, повышает эффективность его использования, выступая своего рода инструментом управления временем.

Посредством установления времени, в течение которого должна быть достигнута определенная цель, а также определения меры деятельности, включая ее виды и интенсивность, темпорально-правовое регулирование может влиять на скорость общественных отношений. Наглядный пример правового воздействия такого типа — институт нормирования труда, задающий с помощью норм выработки, времени, нормативов численности и других норм, исчисляемых в соответствии с достигнутым уровнем техники, технологии, организации производства и труда, общественно-необходимую степень напряженности труда, плотность использования рабочего времени, частоту повторения трудовых действий, количество выполняемых трудовых функций и т.п.

Регулятивный потенциал права в равной степени может использоваться как для замедления жизнедеятельности человека и общества, так и для повышения ее динамики, в качестве сдерживающего средства или катализатора социальной эволюции, отражая объективные свойства динамизма и стабильности права. Любой правопорядок — это попытка стабилизации социальных отношений, пребывающих в вечном становлении, вызов времени, усилие, направленное на консервацию утверждаемого и закрепляемого им социального устройства. Одновременно право вынужденно совершенствоваться в содержании и формах в целях своевременного обеспечения их соответствия отражаемой и регулируемой деятельности и сохранения эффективности перед лицом социальных преобразований. Более того, оно может предварять исторические сдвиги, направлять их и служить проводником с цель установления нового порядка [Бержель Ж.-Л., 2000: 195]. Выдвинута гипотеза о том, что со временем «скорость» войдет в категориальный аппарат юридической науки и станет важной и неотъемлемой частью правообразования, динамики права, правовой интеграции и т. д. [Хабриева Т.Я., Черногор Н.Н., 2018: 92].

Ярко выраженную темпоральную окраску имеет идея циклов правового развития как относительно устойчивых по содержанию, взаимосвязанных и последовательных периодов, охватывающих все стадии «жизни» права: правопонимание, правосознание, правовую культуру, идеи, теории и образы права; проектирование права, прогнозирование, программы и

стратегии, планы развития законодательства и правового обеспечения; правотворчество, стадии разработки нормативных правовых актов, их обсуждения, принятия и вступления в силу; правоприменение и правореализацию; контрольно-оценочный механизм, включая правовой мониторинг [Тихомиров Ю.А., 2008: 15–22]. При этом циклы правового развития относительно самостоятельны и в свою очередь встраиваются в общие циклы развития общества или подвергаются их сильному влиянию.

Цикличный подход положен в основу разрабатываемых Институтом законодательства и сравнительного правоведения научных концепций развития законодательства, рассматриваемых в качестве инструмента познания конкретно-исторических циклов правового развития, включая системное предвидение путей развития национального законодательства[9].

3. Феномен законодательства с заведомо ограниченным сроком действия

Хотя нормативный акт подчиняется законам времени и объективно имеет временн*ы*е пределы действия, с ним традиционно связана идея некоторой бессрочности и постоянства в философско-правовом ее понимании. Согласно доктрине, одним из обязательных признаков формы права является длительность ее существования, поскольку заключающиеся в ней общие установления распространяются на тот или иной вид общественных отношений и поэтому рассчитываются на продолжительное применение.

Эти теоретические воззрения находят воплощение в запрете на внесение в постоянно действующий законодательный акт правовых норм вр*е*менного характера. При необходимости установить вр*е*менное, отличающееся от общеустановленного правовое регулирование по определенным вопросам, урегулировать правоотношения на определенное время, рекомендуется принимать самостоятельный федеральный закон, носящий временный характер[10].

---

[9] См.: Концепции развития российского законодательства / под ред. Л.А. Окунькова, Ю.А. Тихомирова, Ю.П. Орловского. М., 1994. 243 с.; Правовая реформа: Концепции развития российского законодательства / под ред. Л.А. Окунькова, Ю.А. Тихомирова, Ю.П. Орловского. М., 1995. 218 с.; Концепции развития российского законодательства / под ред. Л.А. Окунькова, Ю.А. Тихомирова, Ю.П. Орловского. М., 1998. 256 с.; Концепции развития российского законодательства / под ред. Т.Я. Хабриевой, Ю.А. Тихомирова, Ю.П. Орловского. М., 2004. 848 с.; Концепции развития российского законодательства: монография. 7-е изд. / отв. ред. Т.Я. Хабриева, Ю.А. Тихомиров. М., 2015. 537 с.

[10] См.: Методические рекомендации по юридико-техническому оформлению законопроектов (ред. 2021 года), утв. Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации (п. 58).

Временные нормы противопоставляются «обычным» в общепринятом понимании постоянным нормам, по умолчанию проектируемым на неопределенный срок и остающимся в силе впредь до отмены более поздним актом [Fagan F., 2013: 3–75]. Наличие норм временного характера расценивается в качестве дефекта правового регулирования. Их использование желательно и допустимо только в исключительных случаях, когда иные законодательные решения не применимы. Считается, что введение в правовую систему норм ограниченного срока действия не способствует стабильности правового регулирования и правореализации, вызывая сложности уяснения актуальных прав и обязанностей участников правоотношений [Тенилова Т. Л., 2001: 37–38]. Таким образом, формируется образ вечного закона, который оторван от любых временн*ы*х измерений (детемпорализация права).

Вопреки этим постулатам, на практике заметной тенденция последнего времени стало распространение нормативных актов с заранее определенным сроком действия. Причинность и необходимость применения временных норм обнаруживаются в двух случаях: когда право не может предложить определенного или долгосрочного решения той или иной проблемы, либо когда проблема имеет кратковременный характер. Последнее наглядно иллюстрирует появление временных законов, в которых устанавливаются порядок организации и проведения политических, социальных, спортивных, культурных и иных мероприятий.

В этом плане темпорализация законодательства оказывается неразрывно связанной с еще одной выявленной ранее особенностью современной динамики законодательства — индивидуализацией или фрагментацией правовых сфер регулирования, знаменуемой появлением новой разновидности организующих (управленческих) законов [Власенко Н.А., 2015: 11–17]. В частности, устройство крупных международных спортивных соревнований потребовало принятия в дополнение к базовому Федеральному закону от 04.12.2007 № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации»[11] специальных законодательных актов: федеральных законов от 01.12.2007 № 310-ФЗ «Об организации и о проведении XXII Олимпийских зимних игр и XI Паралимпийских зимних игр 2014 года в городе Сочи, развитии города Сочи как горноклиматического курорта и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»[12] и от 07.06.2013 № 108-ФЗ «О подготовке и проведении в Российской Федерации чемпионата мира по футболу FIFA 2018 года, Кубка конфедераций FIFA 2017 года,

[11] СЗ РФ. 2007. № 50. Ст. 6242.

[12] СЗ РФ. 2007. № 49. Ст. 6071.

чемпионата Европы по футболу UEFA 2020 года и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»[13]. Кроме того, временные изменения, касающиеся некоторых групп сопутствующих отношений (особенностей въезда и выезда иностранных граждан и лиц без гражданства, трудовой и волонтерской деятельности, государственной экологической экспертизы, изъятия земельных участков и иного недвижимого имущества для публичных нужд, оборота и потребления алкогольной продукции и т.п.), были внесены в иные отраслевые законы[14].

Эпизодическое значение имели федеральные законы от 23.05.2015 № 132-ФЗ «О регулировании отдельных вопросов, связанных с проведением в Российской Федерации XV Международного конкурса имени П.И. Чайковского в 2015 году, и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»[15] и от 08.05.2009 № 93-ФЗ «Об организации проведения встречи глав государств и правительств стран — участников форума «Азиатско-тихоокеанское экономическое сотрудничество» в 2012 году, о развитии города Владивостока как центра международного сотрудничества в Азиатско-Тихоокеанском регионе и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»[16].

Временной лимит названных законов определялся прежде всего детальной периодизацией предмета регулирования вплоть до представления его в виде последовательной череды сменяющих друг друга событий. Так, действие Закона от 01.12.2007 № 310-ФЗ (ст. 2) во времени включало периоды и даты:

организации Олимпийских и Паралимпийских игр в промежутке времени с 5 июля 2007 года по 31 декабря 2016 года;

церемоний открытия Олимпийских игр — 7 февраля 2014 года и закрытия Паралимпийских игр — 16 марта 2014 года;

проведения Олимпийских и Паралимпийских игр в промежуток времени, включавший один месяц до дня церемонии открытия Олимпийских игр, время проведения Игр и один месяц после дня окончания церемонии закрытия Паралимпийских игр.

---

[13] СЗ РФ. 2013. № 23. Ст. 2866.

[14] См., напр.: ст. 28 Федерального закона от 22.11.1995 № 171-ФЗ «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции», ст. 351^2 Трудового кодекса Российской Федерации, ст. 25^{14} Федерального закона от 15.08.1996 № 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию», ст. 14 Федерального закона от 23.11.1995 № 174-ФЗ «Об экологической экспертизе», ст. 18 Федерального закона от 30.11.1994 № 52-ФЗ «О введении в действие части первой Гражданского кодекса Российской Федерации».

[15] СЗ РФ. 2015. № 21. Ст. 2984.

[16] СЗ РФ. 2009. № 19. Ст. 2283.

Для обозначения конечности законов описываемой группы употреблялись и более привычные нормы о прекращении действия, содержащие указание на дату[17]. Однако симптоматичным свидетельством отставания систематики законодательства от ее наполнения, усложняющейся структуры упорядочиваемых отношений, а также сохраняющейся нетипичности заведомой ограниченности действия нормативного правового акта можно считать помещение таких норм в диаметральные по своему смыслу статьи о вступлении в силу и введении в действие. Специализированной структурной единицы законодательного акта, которая бы обрамляла подобные нормы, отечественной доктриной и нормотворческой практикой пока не выработано.

Тенденция разрешения преходящих проблем средствами временного законодательства получила развитие в антипандемийном правовом регулировании, изначально рассчитанном на экстраординарную организацию общественных отношений. Темпоральные рамки Федерального закона от 24.04.2020 № 124-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам обеспечения устойчивого развития экономики в условиях ухудшения ситуации в связи с распространением новой коронавирусной инфекции» и множества временных подзаконных нормативных правовых актов, принятых в его развитие[18], обуславливались периодом распространения новой коронавирусной инфекции с тем, чтобы их действие не продолжалось дольше необходимого. Кроме того, был определен специальный порядок продления ограничительных мер, направленных на обеспечение санитарно-эпидемиологического благополучия населения в субъектах федерации[19].

---

[17] См., напр.: ч. 3[1], 4 ст. 58 Федерального закона от 07.06.2013 № 108-ФЗ «О подготовке и проведении в Российской Федерации чемпионата мира по футболу FIFA 2018 года, Кубка конфедераций FIFA 2017 года, чемпионата Европы по футболу UEFA 2020 года и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», ч. 2 ст. 13 Федерального закона от 31.07.2020 № 254-ФЗ «Об особенностях регулирования отдельных отношений в целях реализации приоритетных проектов по модернизации и расширению инфраструктуры и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

[18] См., напр.: постановление Правительства РФ от 31.03.2020 № 373 «Об утверждении Временных правил учета информации в целях предотвращения распространения новой коронавирусной инфекции», приказ Минздрава России от 19.03.2020 № 198н «О временном порядке организации работы медицинских организаций в целях реализации мер по профилактике и снижению рисков распространения новой коронавирусной инфекции COVID-19» // СЗ РФ. 2020. № 14 (часть II). Ст. 2127.

[19] См.: Указ Президента Российской Федерации от 11.05.2020 № 316 «Об определении порядка продления действия мер по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения в субъектах Российской Федерации в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19)» // СЗ РФ. 2020. № 20. Ст. 3157.

Временность действия активно используется в специальных правовых режимах антисанкционной направленности в целях оперативной и точной реакции на соответствующие угрозы национальной безопасности[20]. Их временные пределы отмеряются с помощью указания на даты либо периоды действия односторонних ограничительных мер в отношении России. Подобным образом, например, до конца 2024 года определены особенности обращения лекарственных средств и медицинских изделий в случае их дефектуры или риска возникновения дефектуры в связи с введением в отношении России ограничительных мер экономического характера[21].

Наконец, законодательное обоснование получили новые типы нормативных регуляторов заведомо временного характера: обязательные требования и экспериментальные правовые режимы. Обязательные требования явились одним из элементов механизма «регуляторной гильотины», направленного на пересмотр и отмену актов, создающих избыточную административную нагрузку на субъектов предпринимательской деятельности [Ноздрачев А.Ф., Зырянов С.М., Калмыкова А.В., 2022: 96–153]. По природе обязательные требования выражают внутренние закономерности, объективность процессов экономической деятельности в соответствующих сферах в условиях интенсификации оборота и необходимости поиска средств оперативного отклика на вызовы времени [Ноздрачев А.Ф., 2022: 8–15,19–24].

В целях периодической актуализации правового регулирования в соответствии с общественными потребностями в рамках замкнутого регуляторного цикла законодательство об обязательных требованиях предусматривает сроки вступления в силу нормативных правовых актов, содержащих обязательные требования (1 марта или 1 сентября, но не ранее 90 дней с даты официального опубликования), и ограничивает

[20] См., напр.: Федеральный закон от 08.03.2022 № 46-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2022. № 11. Ст. 1596; постановление Правительства Российской Федерации от 12.03.2022 № 353 «Об особенностях разрешительной деятельности в Российской Федерации в 2022 и 2023 годах» // СЗ РФ. 2022. № 12. Ст. 1839.

[21] См.: Федеральный закон от 08.03.2022 № 46-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», постановления Правительства Российской Федерации от 01.04.2022 № 552 «Об утверждении особенностей обращения, включая особенности государственной регистрации, медицинских изделий в случае их дефектуры или риска возникновения дефектуры в связи с введением в отношении Российской Федерации ограничительных мер экономического характера», от 05.04.2022 № 593 «Об особенностях обращения лекарственных средств для медицинского применения в случае дефектуры или риска возникновения дефектуры лекарственных препаратов в связи с введением в отношении Российской Федерации ограничительных мер экономического характера».

время их действия шестью годами с возможностью продления по результатам оценки их применения не более чем на еще шесть лет[22].

Будучи обусловленной спецификой экономических отношений, правовая форма обязательных требований не может быть применена к отношениям в сферах обороны и безопасности, использования атомной энергии, налогообложения, бюджетирования, валютного и таможенного регулирования, что нашло отражение в законодательстве. Помимо названных областей, очевидно, нуждающихся в большой степени устойчивости, постоянности и стабильности опосредующих их нормативных предписаний, режим обязательных требований оказался практически не применим к деятельности социального характера.

Так, ослабление регуляторной нагрузки на субъектов медицинской деятельности заключает в себе риски снижения качества и безопасности медицинских услуг населению и в конечном счете–уровня гарантий конституционного права граждан на охрану здоровья и медицинскую помощь. По этой причине стандарты и порядок медицинской помощи, а также клинические рекомендации в соответствии со специальной оговоркой прямо выведены из под действия законодательства об обязательных требованиях.

Отраслевая специализация временн*ы*х рамок действия проявляется и в отношении другой, довольно значительной, группы здравоохранительных нормативных актов, устанавливающих обязательные требования в положениях об организации медицинской помощи по ее видам, в правилах экспертиз, лабораторных, инструментальных, патологоанатомических и иных диагностических исследований в случае выявления необходимости проведения указанных исследований в целях предотвращения угрозы жизни и здоровью граждан, а также о порядке профилактических медицинских осмотров и диспансеризации. Отступая от общего правила, ч. 10 ст. 3 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» допускает, что поименованные акты могут предусматривать иные, отличные от общих, предусмотренных Федеральным законом от 31.07.2020 № 247-ФЗ «Об обязательных требованиях в Российской Федерации», сроки вступления их в силу.

Потенциально проблематично распространение режима обязательных требований на порядок оказания первой помощи. Существенно модернизированный принятием Федерального закона от 14.04.2023 № 135-ФЗ «О внесении изменений в статью 31 Федерального закона «Об

[22] См.: Федеральный закон от 31.07.2020 № 247-ФЗ «Об обязательных требованиях в Российской Федерации» (ч. 1, 4, 5 ст. 3, ст. 12) // СЗ РФ. 2020. № 31 (часть I). Ст. 5006.

основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» институт первой помощи включил порядок ее оказания, утверждаемый уполномоченным федеральным органом исполнительной власти: перечень состояний, при которых оказывается указанная помощь; перечень ее мероприятий; их последовательность. При этом целевые, функциональные и содержательные характеристики порядка оказания первой помощи значительно сближают их с порядком оказания медицинской помощи, хотя первая помощь к медицинской формально не относится.

Стандарты и порядок медицинской помощи, а также клинические рекомендации в целях обеспечения гарантируемого качества и доступности медицинской помощи изъяты из предмета регулирования законодательства об обязательных требованиях и периодическому пересмотру не подлежат. Поэтому утверждение порядка оказания первой помощи в форме нормативного акта с заведомо ограниченным шестилетним сроком действия выглядит необоснованным.

Законодательство об экспериментальных правовых режимах зиждется на теоретических и методологических разработках идеи правового эксперимента [Никитинский В.И., Самощенко И.С., 1988]. Обязательным признаком правового эксперимента, обусловленным его направленностью на верификацию эффективности правовых решений в ограниченном масштабе, является определенность во времени. Ныне этот признак юридизирован: легальные определения экспериментального правового режима, данные в федеральных законах от 31.07.2020 № 247-ФЗ «Об обязательных требованиях в Российской Федерации» (ч. 1 ст. 13) и от 31.07.2020 № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации» (п. 1, 5 ст. 2), идентифицируют его в качестве применения специального регулирования в течение определенного срока в отношении определенной группы лиц на определенной территории.

Длительность периода действия экспериментального правового режима не урегулирована, она устанавливается в соответствии с федеральными законами, регламентирующими проведение каждого эксперимента, и относится к дискреции законодателя. Анализ правотворческой деятельности показывает, что сроки правовых экспериментов не вытекают из чего-либо с необходимостью; они определяются по большей части произвольно и не находят специального обоснования в сопроводительных материалах к законопроектам.

Иной законодательный механизм действия во времени сконструирован в отношении правовых экспериментов в сфере цифровых инноваций. Своеобразие общественных отношений, проверяемых опытным путем, их роль в научно-техническом прогрессе обуславливают по-

требность подчинения ритму, размеренности. В связи с этим законодательство об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций содержит довольно развитое и подробное регулирование темпоральных аспектов такого рода экспериментов: императивно решен вопрос о максимально допустимом сроке эксперимента и его пролонгации, предусмотрены возможность, основания и последствия приостановления, а также досрочного прекращения его действия[23].

Подобно обязательным требованиям экспериментальные правовые режимы законодательно идентифицируются не только посредством сферы их применения, но и ее пределов. Из предмета специального экспериментального регулирования цифровых инноваций изымаются правоотношения, связанные с высоким риском нанесения ущерба жизненно важным интересам личности, общества и государства, в том числе при защите государственной тайны, обеспечении безопасности критической информационной инфраструктуры, стабильности финансового рынка и экономической безопасности, а также в связи с возможным введением в оборот товаров, работ и услуг, оборот которых ограничен или запрещен[24].

Последнее обстоятельство сыграло роль при выборе правовой формы эксперимента с дистанционной розничной торговлей рецептурными лекарственными препаратами. Изначально предполагалось осуществить его в форме экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций в соответствии с одноименным Законом, тем более что фармацевтическая деятельность (которую в том числе составляет розничная торговля лекарственными препаратами) отнесена к возможным направлениям разработки, апробации и внедрения цифровых инноваций[25]. Однако в итоге он был воплощен в виде специального режима правового эксперимента, предусмотренного Федеральным законом от 12.04.2010 № 61-ФЗ «Об обращении лекарственных средств» (ст. 55[1]).

Изменение подхода аргументировалось ссылкой на норму ч. 6 ст. 5 Федерального закона от 31.07.2020 № 258-ФЗ, исходя из которой в экспериментальном плане не допускается введения в гражданский оборот объектов, ограниченных в обороте или изъятых из него (к которым относятся лекарственные препараты, отпускаемые по рецепту).

Предусмотренный порядок дистанционной розничной торговли лекарственными препаратами, отпускаемыми по рецепту, не оказывает

[23] См.: Федеральный закон от 31.07.2020 № 258-ФЗ (ст. 7, 16, 17) // СЗ РФ. 2020. № 31 (часть I). Ст. 5017.

[24] См.: ч. 6 ст. 5 Федерального закона от 31.07.2020 № 258-ФЗ (ч. 6 ст. 5) // Там же.

[25] П. 1 ч. 2. ст. 1 Федерального закона от 31.07.2020 № 258-ФЗ // Там же.

влияния на оборотоспособность рецептурных лекарственных средств и не снимает ее ограничений. Отпуск лекарственных препаратов могут осуществлять только аптечные организации, имеющие лицензию на фармацевтическую деятельность и соответствующее разрешение федерального органа исполнительной власти, осуществляющего функции по контролю и надзору в сфере здравоохранения. Обязательным условием приобретения такого препарата выступает медицинский документ установленной формы, содержащий назначение лекарственного препарата, выданный медицинским работником в целях отпуска лекарственного препарата или его изготовления и отпуска, в электронной форме, подписанный с использованием усиленной квалифицированной электронной подписи (рецепт на лекарственный препарат).

4. Временное законодательство в сравнительно-правовой перспективе

В зарубежных странах законы, длительность действия которых ограничена в момент вступления в силу, объединяются понятием временного («закатного») законодательства (sunset legislation). Нормы, определяющие продолжительность действия таких законов путем указания даты или события, по истечении которых без принятия специальных пролонгирующих мер их сила утрачивается, называются лимитирующими («закатными») оговорками (sunset clauses).

Их истоки находятся в римском праве: правила ad tempus concessa, post tempus censetur denegata[26] и противоположное ему по смыслу ad tempus prohibitum illud tempus censetur permissum[27] во времена Римской республики ограничивали полномочия сената по сбору налогов и использованию войск сроком полномочий проконсула, а позже вошли в Кодекс Юстиниана. Таким образом, временность закона как инструмента в правотворчестве хоть и не получила широкого распространения, но глубоко укоренена в правовой цивилизации [Kouroutakis A., 2017: 16].

Следуя исторической традиции, в течение долгого времени правовое регулирование с заведомо ограниченным сроком действия в иностранных государствах преимущественно действовало в фискальном законодательстве, а также в актах чрезвычайной и антитеррористической направленности, недолговечность жизненного цикла которых выступала важнейшей гарантией сохранения демократии, разделения властей и верховенства права.

[26] «То, что разрешено на время, считается запрещенным по его истечении».

[27] «То, что запрещено на время, считается разрешенным по его истечении».

Так, общие положения «о закате» временных законов, принятых в чрезвычайных обстоятельствах, предусмотрены на уровне Основного закона ФРГ. По общему правилу они прекращают действие в срок не позднее шести месяцев по окончании состояния обороны, за исключением нормативных правовых актов, регламентирующих отношения в социальной сфере, и законодательства о налогах и сборах, сохраняющих силу до конца второго бюджетного года, следующего за окончанием состояния обороны (ст. 115-k). В Австралии срок действия Закона о борьбе с терроризмом (2005) (Anti-Terrorism Act (No. 2) 2005)[28] истекает через 10 лет после его принятия.

Однако с недавних пор востребованность и распространенность временных регуляторов неуклонно растет, не исчерпываясь приведенными областями и функционально-целевым предназначением. Теоретически они трактуются в качестве ключевого инструмента экспериментального подхода к правовому управлению, в рамках которого закон должен обладать свойствами временности и обратимости [Ranchordas S., 2015: 28–45]. Кроме того, временное законодательство рассматривается в концептуальном поле «лучшего регулирования»: информация, генерируемая в результате регулярной ретроспективной оценки его действия, способствует повышению качества законодательства путем превращения правотворчества в более рациональный, основанный на доказательственных фактах процесс [van Gestel R. A. J., van Dijck G., 2011: 539–553].

В последнее время обязательной периодической ревизии подвергаются законы, регламентирующие биомедицинские технологии (так, Закон Франции о биоэтике[29] должен пересматриваться каждые 7 лет, а Закон Канады о вспомогательной репродукции человека[30] — каждые три года). При этом в отличие от экстраординарных случаев реагирования на кризисы в условиях чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, военных действий, контртеррористических операций, угроз санитарно-эпидемиологическому благополучию населения использование срочного правового режима в отношении биомедицинских технологий носит рутинный характер, обусловленный спецификой объекта управления, высоким динамизмом его развития. Этот механизм обеспечивает высокую чувствительность права к состоянию регулируе-

[28] Available at: URL: https://www6.austlii.edu.au/cgi-bin/viewdb/au/legis/cth/consol_ act/aa22005214/ (дата обращения: 20.10.2024)

[29] Loi n° 2004-800 du 6 août 2004 relative à la bioéthique. Available at: https://www.legifrance.gouv.fr/loda/id/JORFTEXT000000441469 (дата обращения: 20.10.2024)

[30] Assisted Human Reproduction Act (S.C. 2004). Available at: https://laws-lois.justice.gc.ca/eng/acts/a-13.4/ (дата обращения: 20.10.2024)

мых объектов и необходимое соответствие между правом и актуальным уровнем науки и технологий.

В отечественной правовой системе схожим образом решен вопрос клонирования человека. Федеральный закон от 20.05.2002 № 54-ФЗ «О временном запрете на клонирование человека» ввел пятилетний мораторий на клонирование человека, подчеркнув временный характер запрета и возможность его пересмотра в свете развития технологии и социальных и этических тенденций. По окончании срока установленного моратория Федеральным законом от 29.03.2010 № 30-ФЗ временный запрет на клонирование человека был продлен впредь до дня вступления в силу федерального закона, устанавливающего порядок использования соответствующих технологий.

В некоторых правопорядках, принадлежащих к семье общего права, признак темпоральности нормативных правовых актов определенного типа приобрел универсальное значение. Акт Австралии о законодательных инструментах[31] устанавливает всеобъемлющий режим разработки, регистрации, контроля и прекращения делегированного законодательства. В современных правопорядках англосаксонского типа этот источник права имеет важное и всевозрастающее значение, предопределенное усилившейся потребностью в оперативном, гибком и специализированном нормативном регулировании в условиях усложнения общественных отношений [Богдановская И.Ю., 2013: 36–48].

Одной из ключевых целей вводимого Акта наряду с созданием Федерального регистра законодательных инструментов, обеспечением высоких стандартов правотворчества, совершенствованием парламентского контроля заявлено утверждение возможности регулярного пересмотра законодательных инструментов и в отсутствие дальнейшей необходимости — их отмены.

В связи с этим по истечении десятилетнего периода со дня принятия всякого законодательного акта предусматривается его автоматическое аннулирование. Согласно пояснительной записке к законопроекту[32], этот срок был избран как необходимый и достаточный период для того, чтобы, с одной стороны, предотвратить сохранение устаревших или ненужных актов, а, с другой, пересмотреть и скорректировать те из них, что сохраняют актуальность. Промежуток времени короче признан неприемлемым по причине избыточной ресурсоемкости. Из общего режи-

[31] Legislative Instruments Act 2003 No. 139. Available at: https://classic.austlii.edu.au/au/legis/cth/num_act/lia2003292/ (дата обращения: 20.10.2024)

[32] Available at: https://parlinfo.aph.gov.au/parlInfo/search/display/display.w3p;query= Id%3A%22legislation%2Fems%2Fr1850_ems_29beaed6-feb3-4ea0-bf04-f928d813ffa3%22 (дата обращения: 20.10.2024)

ма прекращения действия изъят исчерпывающим образом поименованный перечень актов.

Аналогичные механизмы содержит преследующий цели модернизации нормативной среды, в которой действует малый и средний бизнес Закон Великобритании о предпринимательской и регуляторной реформе (2013)[33]. В качестве одной из мер сокращения регуляторного бремени названный акт устанавливает возможность истечения срока действия и пересмотра производного законодательства на основании периодической оценки его полезности, актуальности проблемы, на решение которой оно направлено, и альтернативных способов ее решения (ч. 5).

Описываемая тенденция нормализации временного законодательства, перехода от его избирательного к всеобъемлющему применению находит отражение и в континентальном праве. В частности, Федеральным собранием — парламентом Швейцарии — рассматривался вопрос об обязательности введения «закатных» положений в законодательство, регламентирующее некоторые виды общественных отношений.

В обоснование целесообразности идеи введения временных ограничений как действенного инструмента «детоксикации» правовой среды авторы инициативы приводили аргументы, касающиеся негативных эффектов неуклонного увеличения государственного воздействия и плотности нормативной регуляции. Хотя действующие нормативные режимы были признаны достаточными, в ходе обсуждения был достигнут консенсус об актуальности и полезности введения временных законов и сопутствующей оценки регулирующего воздействия ex post для разрешения срочных проблем, опережающего отражения действительности с трудно прогнозируемым или неясным исходом, своевременного правового вмешательства, касающегося сложных областей деятельности или новейших достижений науки и техники[34].

Заключение

Несмотря на общепринятое понятие о постоянстве норм права, по умолчанию проектируемых на неопределенный срок, в современных правопорядках наблюдается нарастающая тенденция использования законодательства с заведомо ограниченным сроком действия. В связи с этим требует дальнейшего изучения вопрос о сущностных свойствах

[33] Enterprise and Regulatory Reform Act 2013. Available at: https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2013/24/contents (дата обращения: 20.10.2024)

[34] Lutter contre la bureaucratie en limitant la durée de validité des actes. Available at: https://www.parlament.ch/de/ratsbetrieb/suche-curia-vista/geschaeft? AffairId=20113780 (дата обращения: 20.10.2024)

современного нормативного правового регулирования, вплоть до возможности признания временности в качестве такового.

Ретроспективный анализ свидетельствует, что темпоральность как инструмент правотворчества хоть и не получила широкого распространения, однако укоренена в правовой цивилизации, имея истоки в римском праве.

Нормы временного действия изначально утвердились применительно к экстраординарным обстоятельствам, когда обычные регуляторы, рассчитанные на нормальное состояние общественных отношений, оказываются нефункциональными и заменяются «чрезвычайными» правовыми режимами, действие которых, как правило, ограничивается периодом разрешения кризисной ситуации и носит временный характер. Недолговечность их жизненного цикла выступает важнейшей гарантией сохранения демократии, разделения властей и верховенства права.

Приспособленность временных правовых режимов к стремительно меняющимся социальным или технологическим условия и неординарным сценариям общественного развития позволяет прогнозировать более широкое использование потенциала временной регуляторики в инновационных, высокотехнологичных областях в целях реализации сценариев ускоренного развития общества.

Необходимость адаптации правовых систем к подвижности и нетипичной изменчивости новых форм общественной жизни в условиях ускоренного развития общества предрасполагает к гибкости и относительной обратимости правовых решений и установлению правил, которые по своему содержанию и регулятивной направленности не требуют нормативной фиксации на неопределенный срок по умолчанию, а, напротив, нуждаются в периодических и планомерных пересмотре и коррекции.

Одновременно правовая форма временного законодательства не может применяться к отношениям в сферах обороны и безопасности, использования атомной энергии, валютного и таможенного регулирования, охраны здоровья граждан и иной деятельности социального характера, нуждающихся в большой степени устойчивости, постоянности и стабильности опосредующих их нормативных предписаний.

Нормативно оформленные авторские предложения по идентификации нормативных предписаний временного действия нашли отражение в последней редакции разработанного Институтом законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве России инициативного проекта федерального закона о нормативных правовых актах[35].

[35] См.: О нормативных правовых актах в Российской Федерации (проект федерального закона). 6-е изд., перераб. и доп. / рук. авт. коллектива Т.Я. Хабриева, Ю.А. Тихомиров. М.: Контракт, 2021. 96 с.

В нем, в частности, предлагается закрепить исключение из общего правила о том, что действие акта не ограничивается сроком, если в самом акте или акте о введении его в действие не предусмотрено иное. Для всего нормативного акта (или отдельных его норм) может быть установлен срок действия. В этом случае в нормативном акте (акте о введении его в действие) должны быть указаны момент времени или событие, при наступлении которых он автоматически утрачивает силу. До истечения установленного срока или наступления события орган, принявший нормативный правовой акт, может принять решение о продлении действия нормативного правового акта на новый срок или о придании ему бессрочного характера.

Необходимость научно-правового сопровождения ускоренного развития позволяет обратиться к размышлениям В.И. Вернадского о том, что ходу научной мысли также свойственна скорость движения, что она закономерно меняется во времени, причем наблюдается смена периодов ее замирания и периодов ее усиления. Для усиления научного творчества и открытия нетронутых ранее научной мыслью полей исследования требуется «напряженное непрерывное созидание, темп которого все усиливается» [Вернадский В. И., 1997: 141–142].

Список источников

1. Батурин Ю.М., Лившиц Р.З. Социалистическое правовое государство: от идеи к осуществлению. М.: Наука, 1989. 256 с.

2. Бауман З. Текучая современность. СПБ.: Питер, 2008. 240 с.

3. Бержель Ж.-Л. Общая теория права. М.: NOTA BENE, 2000. 576 с.

4. Богдановская И.Ю. Делегированные акты как вторичный источник права // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2013. N 3. С. 36–48.

5. Бреннер Р. Экономика глобальной турбулентности: развитые капиталистические экономики в период от долгого бума до долгого спада, 1945–2005. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. 552 с.

6. Вернадский В.И. О науке. Т. 1. Научное знание. Научное творчество. Научная мысль. Дубна: Феникс, 1997. 572 с.

7. Власенко Н.А. Индивидуализация как закономерность развития современного российского законодательства // Журнал российского права. 2015. N 12. С. 11–17.

8. Гидденс Э. Устроение общества: очерк теории структурации. М.: Академический Проект, 2005. 528 с.

9. Догадайло Е.Ю. Время и право. Дис… д. ю. н. М., 2013. 250 с.

10. Залесский В.В. Фактор времени в гражданских правоотношениях // Журнал российского права. 2006. N 9. С. 114–121.

11. Капица С.П. Парадоксы роста. Законы развития человечества. М.: Альпина, 2010. 192 с.

12. Никитинский В.И., Самощенко И.С. (ред.) Правовой эксперимент и совершенствование законодательства М.: Юридическая литература, 1988. 304 с.

13. Ноздрачев А.Ф. Обязательные требования как новационный институт административного права: идеи, содержание, принципы и уровни правового регулирования // Административное право и процесс. 2022. N 3. С. 19–24; N 5. С. 8–15.

14. Ноздрачев А.Ф., Зырянов С.М., Калмыкова А.В. Регуляторная политика Российской Федерации: правовые проблемы формирования и реализации. М.: Инфотропик Медиа, 2022. 288 с.

15. Петров Г.И. Время в советском социальном регулировании // Правоведение. 1983. N 6. С. 47–52.

16. Петров Г. И. Фактор времени в советском праве // Правоведение. 1982. N 6. С. 46–52.

17. Рабинович П.М. Своевременность в праве // Вопросы теории государства и права.1991. Вып. 9. С. 55–62.

18. Рабинович П.М. Время в правовом регулировании (философско-юридические аспекты) // Правоведение. 1990. N 3. С. 19–27.

19. Степин В.С. Стратегии цивилизационного развития и проблема ценностей. М.: б. и., 2018. 28 с.

20. Тенилова Т.Л. Время в праве. Н. Новгород : Нижегор. правовая акад.,2001. 117 с.

21. Тилле А.А. Время. Пространство. Закон. Действие советского закона во времени и пространстве. М.: Юридическая литература, 1965. 204 с.

22. Тихомиров Ю.А. Циклы правового развития // Журнал российского права. 2008. N 10. С. 15–22.

23. Тихомиров Ю.А. (отв. ред.) Правовое управление в кризисных ситуациях:. М.: Проспект, 2022. 280 с.

24. Хабриева Т.Я. Управление пандемическим кризисом на основе права: мировой и российский опыт // Журнал российского права. 2021. N 2. С. 5–17.

25. Хабриева Т.Я., Черногор Н.Н. Право и пандемия: уроки кризиса // Вестник РАН. 2022. Т. 92. N 8. С. 803–808.

26. Хабриева Т.Я. Циклические нормативные массивы в праве // Журнал российского права. 2019. N 12. С. 5–18.

27. Хабриева Т.Я., Черногор Н.Н. Право в условиях цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. N 1. С. 85 — 102.

28. Харви Д. Состояние постмодерна: исследование истоков культурных изменений. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2021. 576 с.

29. Fagan F. Law and the Limits of Government: Temporary versus Permanent Legislation. Cheltenham: Edward Elgar, 2013, 168 p.

30. Kouroutakis A. The Constitutional Value of Sunset Clauses: Historical and Normative Analysis. L.: Routledge, 2017, 212 p.

31. Ranchordas S. Sunset Clauses and Experimental Regulations: Blessing or Curse for Legal Certainty? Statute Law Review, 2015, vol. 1, pp. 28–45.

32. Van Gestel R.A., van Dijck G. Better Regulation through Experimental Legislation. European Public Law, 2011, vol. 3, pp. 539–553.

References

1. Baturin Yu. M., Livshits R.Z. (1989) Socialist rule of law: from idea to implementation. Moscow: Nauka, 256 p. (in Russ.)

2. Bauman Z. (2008) *Liquid modernity*. Saint Petersburg: Piter, 240 p. (in Russ.)

3. Bergel J.-L. (2000) General theory of law. Moscow: NOTA BENE, 576 p. (in Russ.)

4. Bogdanovskaya I. Yu. (2013) Delegated acts as secondary sources of law. *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki*=Law. Journal of the Higher School of Economics, no. 3, pp. 36–48 (in Russ.)

5. Brenner R. (2014) *The economics of global turbulence: advanced capitalist economies from long boom to long downturn, 1945–2005.* Moscow: HSE Publishing House, 552 p. (in Russ.)

6. Dogadailo E.Yu. (2013) Time and law. Doctor of Juridical Sciences Thesis. Moscow, 250 p. (in Russ.)

7. Fagan F. (2013) *Law and the limits of the government.* Cheltenham: Elgar, 168 p.

8. Giddens E. (2003) *Structure of society: essays on structure theory.* Moscow: Akademicheskiy project, 576 p. (in Russ.)

9. Harvey D. (2021) *The postmodernity. A research of cultural change roots.* Moscow: HSE Publishing House, 576 p. (in Russ.)

10. Kapitsa S.P. (2020) Paradoxes of growth. Moscow: Alpina, 192 p. (in Russ.)

11. Khabrieva T.Ya. (2021) Legal base of managing Pandemic crisis: world and Russian experience. *Zhurnal rossiyskogo prava*=Journal of Russian Law, no. 2, pp. 5–17 (in Russ.)

12. Khabrieva T.Ya. (2019) Cyclic normative arrays in law. *Zhurnal rossiyskogo prava*=Journal of Russian Law, no. 12, pp. 5–18 (in Russ.)

13. Khabrieva T.Ya., Chernogor N.N. (2022) Law and the Pandemic: the lessons of the crisis. *Vestnik Rossiyskoy akademii nauk*=Bulletin of the Russian Academy of Sciences, vol. 92, no. 8, pp. 803–808 (in Russ.)

14. Khabrieva T.Ya., Chernogor N.N. (2018) The law in the digital reality. *Zhurnal rossiyskogo prava*=Journal of Russian Law, no. 1, pp. 85–102 (in Russ.)

15. Kouroutakis A. (2017) *The constitutional value of sunset clauses: a historical and normative analysis.* L.: Routledge, 212 p.

16. Nikitinsky V.I., Samoshchenko I.S. et al. (1988) Legal experiment and improvement of legislation. Moscow: Juridicheskaya literatura, 304 p. (in Russ.)

17. Nozdrachev A.F. (2022) Mandatory requirements as a new administrative Law institution: ideas, content, principles and Regulation levels. *Administrativnoe pravo i process*=Administrative Law and Process, no. 3, pp. 19 — 24; no. 5, pp. 8 — 15 (in Russ.)

18. Nozdrachev A.F., Zyryanov S.M., Kalmykova A.V. et al. (2022) Regulatory policy of the Russian Federation: legal aspects of formation and implementation. Moscow: Infotropic Media, 288 p. (in Russ.)

19. Petrov G.I. (1982) Time factor in Soviet law. *Yurisprudenciya*=Jurisprudence, no. 6, pp. 46–52 (in Russ.)

20. Petrov G.I. (1983) Time in the Soviet social regulation. *Yurisprudenciya*= Jurisprudence, no. 6, pp. 47–52 (in Russ.)

21. Rabinovich P.M. (1990) Time in legal regulation (philosophical and legal aspects).

Yurisprudenciya=Jurisprudence, no. 3, pp. 19–27 (in Russ.)

22. Rabinovich P.M. (1991) Timeliness in law. *Questions of state and law theory,* issue 9, pp. 55–62 (in Russ.)

23. Ranchordas S. (2015) Sunset clauses and experimental regulations: blessing or curse for legal certainty? *Statute Law Review*, vol. 36, no. 1, pp. 28–45.

24. Stepin V.S. (2018) Strategies of civilizational development and the issue of values. Moscow: S.I., 28 p. (in Russ.)

25. Tenilova T.L. (2001) Time in law. Nizhnyi Novgorod: Pravovaya Akademia, 117 p. (in Russ.)

26. Tikhomirov Yu.A. et al. (2022) Legal management in crisis situations. Moscow: Prospekt, 280 p. (in Russ.)

27. Tikhomirov Yu.A. (2008) Cycles of legal development. *Zhurnal rossiyskogo prava*=Journal of Russian Law, no. 10, pp. 15–22 (in Russ.)

28. Tille A.A. (1965) *Time. Space. Law. The Soviet law in time and space.* Moscow: Juridicheskaya literatura, 204 p. (in Russ.)

29. Vernadsky V.I. (1997) About science. Vol. 1. Scholar knowledge. Scholar creativity. Scholar thought. Dubna: Feniks, 572 p. (in Russ.)

30. Van Gestel R.A., van Dijck G. (2015) Better regulation through experimental legislation. *European Public Law*, vol. 17, no. 3, pp. 539–553.

31. Vlasenko N.A. (2015) Individual approach as a trend of the Russian legislation development. *Zhurnal Rossiyskogo prava*=Journal of Russian Law, no. 12, pp. 11–17 (in Russ.)

32. Zalessky V.V. (2006) Time factor in civil law relations. *Zhurnal rossiyskogo prava*=Journal of Russian Law, no. 9, pp. 114–121 (in Russ.)

Информация об авторе:

Ф.В. Цомартова– кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник.

Information about the author:

F.V. Tsomartova — Candidate of Sciences (Law), Leading Researcher.

Статья поступила в редакцию 22.11.2023; одобрена после рецензирования 25.03.2024; принята к публикации 24.05.2024.

The article was submitted to editorial office 22.11.2023; approved after reviewing 25.03.2024; accepted for publication 24.05.2024 .